

религии и тех ложных, фантастических представлений о себе самом и об окружающей действительности, которые возникли, по выражению В. И. Ленина, как «пустоцвет» на могучем дереве человеческого познания, вследствие бессилия дикаря перед стихийной мощью природы. Обо всем этом вновь настоятельно напоминают нам находки в гроте Тешик-Таш» (стр. 80).

Прав А. П. Окладников, когда он утверждает: «характер захоронения ребенка с лежащими вокруг рогами козлов свидетельствует о более высоком развитии психики мустьерских людей, чем обычно принято считать» (стр. 84). Мы теперь знаем, что неандертальцы обладали и членораздельной речью, Тем самым выводы археологической части сборника объединяются с выводами ее антропологической части. Можно согласиться с М. А. Гремяцким, заканчивающим сборник такими словами: «На основании находки можно считать установленным, что и Средняя Азия была областью, населенной неандертальским типом, предшествовавшим здесь, как и в других местах, появлению современного типа человека. Умножившиеся в самое последнее время находки промежуточных и переходных форм на территории СССР (днепропетровские черепа) между неандертальцами и *Homo sapiens* снова и снова подтверждают прямые родственные связи между этими двумя ступенями эволюции гоминид» (стр. 181). Таким образом, сборник о Тешик-Таше является ценнейшим вкладом не только в антропологию и археологию, но и в историю первобытного общества, так как он проливает новый свет на неандертальца как предка современного человека. Новый труд помогает борьбе с расизмом и религией, поддерживаемыми идеалистическими лжеучеными — лакеями империализма. Он показывает, что советские патриоты должны и могут в непримиримой борьбе с реакционным идеализмом двигать вперед подлинную науку, выполняя указания величайшего корифея науки И. В. Сталина: «Наука потому и называется наукой, что она не признает фетишей, не боится поднять руку на отживающее, старое и чутко прислушивается к голосу опыта, практики. Если бы дело обстояло иначе, у нас не было бы вообще науки... у нас не было бы биологии, и мы все еще утешались бы легендой о сотворении человека»...¹

В. К. Никольский

Б. Г. ГАФУРОВ, История таджикского народа, т. I, ГИПЛ, 1949, 475 стр., тираж 10 000 экз., цена 8 р. 50 к.

Издание общедоступных курсов истории народов СССР — дело первостепенной важности. Советская наука имеет значительные достижения в этой области. Тщательное марксистское изучение всей суммы разнообразных литературных и археологических источников дает возможность восстановить, казалось, безвозвратно забытое прошлое. Большие успехи в этом отношении сделаны по истории народов Средней Азии. Важнейшей частью ее является история таджикского народа, которой посвящена рецензируемая книга. Как видно из послесловия (стр. 465), перед нами второе издание книги, настолько переработанное (по сравнению с первым изданием, опубликованным на таджикском языке), что автор счел возможным охарактеризовать его как написанное заново. В настоящем обзоре мы остановимся на двух первых разделах книги, посвященных древней истории (стр. 5—100).

Раздел первый озаглавлен: «Древние предки таджиков в период первобытно-общинного строя в Средней Азии». Он состоит из двух глав: 1) Первобытно-общинный строй в Средней Азии и 2) Восточноиранские племена Средней Азии и начатки их государственности (I тысячелетие до н. э.).

Автор стремится изложить историю Средней Азии и возникающего таджикского народа на широком историческом фоне, во взаимосвязях с другими странами. Он начинает с общих проблем возникновения человека и человеческого общества. Затем следует изложение данных археологических раскопок в Средней Азии, начиная с

¹ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е стр. 502.

остатков скелета неандертальского мальчика из пещеры Тешик-Таш и кончая культурным слоем Анау IV. К сожалению, эта часть главы представлена слишком кратко и без органической увязки с предпосланными ей общими рассуждениями из области политэкономии докапиталистических формаций. Глава значительно выиграла бы от увеличения количества специально проанализированных археологических данных за счет сокращения общей части. Вряд ли уместно употребление термина «доисторическое прошлое» (стр. 7), заимствованного из буржуазной терминологии. Первобытно-общинный строй — не доисторическое прошлое, а первый из известных истории пяти «основных» типов производственных отношений¹.

Глава вторая написана по тому же плану, что и предыдущая, но, естественно, имеет более богатое конкретное историческое содержание. Социально-экономические отношения в Средней Азии на рубеже II и I тысячелетий автор относит к высшей ступени варварства и отмечает наличие «военно-племенной» демократии. Здесь следует задать вопрос: а почему не просто «военной демократии»? Терминология и в научно-популярном изложении должна быть точной. Далее автор совершенно произвольно характеризует население Средней Азии как находящееся на яфетической стадии в этническо-языковом отношении и считает его преимущественно скифским. Скифы, по мнению Б. Г. Гафурова, совершенно некритически следующего здесь за фантазиями так называемого «нового учения о языке» Н. Я. Марра, «... представляли конгломерат различных племен, среди которых происходил процесс «перевоплощения яфетических народов в иранские». Вообще Б. Г. Гафурову следует полностью отказаться от порочных взглядов Н. Я. Марра о стадийном развитии языка и самым тщательным образом пересмотреть соответствующие разделы своей книги в свете положений, выдвинутых товарищем И. В. Сталиным в его статьях: «Относительно марксизма в языкознании», «К некоторым вопросам языкознания» и «Ответ товарищам».

Сведения о саках излагаются по более поздним персидским надписям и античным авторам. Отмечаются стойкие пережитки матриархата у этих племен. Дальнейшее развитие представлено так: «часть сакских и массагетских племен постепенно оседала на землю, смешивалась с земледельческим населением оазисов и давала начало оседлым восточноиранским племенам и народностям» (стр. 26). Это были согдийцы, хорезмийцы, бактрийцы. На этом материале автор показывает антинаучность «теории чистой расы» и местное происхождение «арийцев», так как «восточноиранское население ниоткуда не пришло в Среднюю Азию, а сложилось здесь же, на месте, вобрав в себя различные этнические элементы, обитавшие здесь с первобытной древности» (стр. 26). Далее следует краткая характеристика древнейших государственных образований в Средней Азии — Бактрии, Согдианы и Хоразмии — на основании «Авесты». Последний параграф посвящен изложению религии Заратустры, возникшей в Бактрии среди местных земледельческих племен, борющихся с кочевниками. Автор устанавливает культурный приоритет восточноиранских (среднеазиатских) племен перед западноиранскими (персами). Отмечает он и археологические данные, указывающие на древнейшие связи Бактрии с Месопотамией и Египтом. Очерк использует достижения советской исторической науки, резюмируя результаты специальных исследований.

Раздел второй — «Предки таджиков в период рабовладельческих отношений в Средней Азии» состоит из четырех глав: 3) Восточноиранские народности Средней Азии и их взаимоотношения с империей Ахеменидов (VI—IV вв. до н. э.); 4) Борьба народов Средней Азии против греко-македонских завоевателей и восстание Спитамена (IV в. до н. э.); 5) Парфянское, Греко-Бактрийское и Хорезмское государства (III—II вв. до н. э.), 6) Государство «Великих Кушан» (II в. до н. э. — III в. н. э.).

Раздел начинается кратким изложением истории «империи Ахеменидов». Общий очерк сух и расплывчат и, особенно вначале, сводится к перечислению царей и войн. При этом скрадывается подчеркнутый товарищем Сталиным неустойчивый, конгло-

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 119.

мератный характер Персидской державы. В частности, совсем не отмечен распад государства Кира после Камбиса, а ожесточенная социальная борьба среди мидийских и персидских племен представлена как дворцовый переворот. В книге (стр. 38) идеализирован представитель мидийской аристократии, маг Гаумата. Несколько ниже (стр. 48) подчеркнута, на основании надписей Дария I, привилегированное положение персов области Фарс. Автор, к сожалению, не обращает внимания на проблему их социального расслоения.

Следующий параграф повествует о положении народностей Средней Азии при Ахеменидах. Здесь использованы археологические данные и сведения античных авторов, в одном случае привлечена «Авеста». Этот очерк полезно было бы увеличить в размерах за счет сокращения описания «империи Ахеменидов». Правильно отмечая жестокий, эксплуататорский характер персидского владычества и непрерывную борьбу свободолюбивых народов Средней Азии против захватчиков, автор несколько переоценивает положительное значение Персидского государства для народов Средней Азии. Оказывается, Ахемениды «защищали» земледельцев от кочевников и укрепляли связи с Передним Востоком. «Наибольшую пользу из этого обстоятельства извлекали, понятно, торговцы и ростовщики, однако и для всего народа культурное значение этих связей и сношений было велико» (стр. 49). Что для ростовщиков и им подобных эти связи были выгодны, сомнений нет, но для всего народа вряд ли это имело значение. Вспомним, как Ахемениды закрывали шлюзы оросительных каналов, для того чтобы дополнительно выкачивать подати, о чем сообщает автор на стр. 48. Это ограбление отнимало у народа гораздо больше, чем могли дать культурные блага, получаемые им¹ от завоевателей. Отметим, однако, правильное резюме данной главы: «То, что обычно именуют культурой ахеменидского периода, создали, таким образом, отнюдь не столько персы, сколько многие народы, в том числе бактрийцы, согдийцы, хорезмийцы и саки» (стр. 50).

В главе четвертой история Средней Азии занимает большее место, чем в других главах. Изложение событий в Средней Азии, несмотря на его схематичность и грубые фактические ошибки, содержательно. Последовательно подчеркивается ожесточенная борьба местных свободолюбивых племен с греко-македонскими захватчиками. Отмечаются причины быстрых успехов Александра Македонского в Малой и Передней Азии и затруднений в Средней Азии.

Важнейшей частью главы 4 является рассказ о восстании согдийца Спитамена, которого автор характеризует как «одну из замечательных фигур в истории таджикского народа» (стр. 56). Предательство в борьбе за независимость со стороны местной аристократии привело к временной победе Александра. Александр, сначала проводивший поголовные расправы, постепенно менял свою политику, стремясь найти опору своей власти в местной знати. Автором правильно отмечается значительное ослабление греко-македонских войск из-за войны в Средней Азии. Однако небрежное отношение к изложению общеизвестных событий неприятно поражает читателя. Приведем лишь отдельные примеры: на стр. 51—52 книги сообщается, что «македонский царь Филипп разбил на границе Херонеи объединенное войско греческих царей (1)». Греческие «цари» целиком лежат на совести автора и редактора, Херонея не область, а небольшой город. Там же в книге сказано: «Тирания Филиппа в Македонии» (стр. 52). Но термин «тиран» имел в Греции вполне определенный исторический смысл, и применение его к Филиппу совершенно неуместно. Город Исс, возле которого произошло в 333 г. до н. э. знаменитое сражение Александра с Дарием III Кодоманом, превращен в реку. Пролив Геллеспонт (Дарданеллы) превращен в Босфор! Вызывает удивление открытие автором и редактором некоего греческого государства, которое оказалось сильнее в военном отношении державы Ахеменидов и потому победило. В действительности существовало Македонское государство и много греческих городов-государств, с трудом мирившихся с гегемонией Македонии. Вместо сухого, схематического изложения, изобилующего грубыми фактическими ошибками, полезнее было бы дать конкретное марксистское объяснение причин похода Александра Македонского.

В заключительном параграфе, озаглавленном «Результаты греко-македонского завоевания», автор снова подчеркивает всю силу сопротивления народных масс в Согдиане и Бактрии, а также большое значение этих территорий для Ахеменидов и Александра. Он критикует реакционных западноевропейских буржуазных ученых, которые преувеличивают влияние греческой культуры на народы Востока и уменьшают или совсем замалчивают влияние древневосточной культуры на страны эллинизма. Целый ряд элементов культуры среднеазиатских народов получил широкое распространение в Греции и Риме. «Влияние греческой культуры на Бактрию и Согд усиливается значительно позже, а именно во II в. до н. э., когда в н у т р е н н и е условия создали здесь свою «античность». По прошествии почти 200 лет после войн Александра, когда согдийцы оказались способными сбросить с себя иго македонских захватчиков, начинает развиваться так называемая греко-бактрийская культура, с а м о б ы т н а я и своеобразная, среднеазиатская культура, вобравшая в себя также многие элементы греческой, индийской и древневосточной цивилизации» (стр. 63). К сожалению, эти интересные положения, являющиеся, как известно, обобщением важнейших достижений советской исторической науки о Средней Азии, не получили конкретного развития на дальнейших страницах. В заключение следует отметить, что эллинизм в изложении автора выглядит только как культурное явление. Это устаревшая точка зрения, развивавшаяся буржуазными учеными. Термин «эллинизм» прежде всего имеет социальное значение. Эллинизм — это этап в развитии рабовладельческого общества. Наконец, неправильна формулировка «индийская и древневосточная цивилизация», так как древнеиндийская цивилизация является частью цивилизации древневосточной.

Пятая глава посвящена важнейшей эпохе древней истории Средней Азии — времени Парфянского, Греко-Бактрийского и Хорезмского государств. Образование Парфянского царства показано как результат восстания кочевых племен, которое использовала местная знать в лице Аршака и Тиридата в тот период, когда государство Селевкидов испытывало затруднения. Автор излагает историю Парфии только до половины I в. н. э., мотивируя это тем, что во второй половине существования этого государства главнейшие события истории Парфии происходили не в Средней Азии, а в Иране и Месопотамии. Социально-экономическая характеристика Парфии отсутствует.

Более содержателен очерк истории Греко-Бактрийского царства и его культуры. Автор отмечает, что к середине III в. до н. э. народное возмущение против греко-македонских захватчиков достигло здесь весьма больших размеров. Однако македоняне имели здесь больше войск, чем в Парфии, и поэтому «греко-македонская военщина во главе с бактрийским сатрапом Диодотом, опасаясь народного восстания, взяла на себя инициативу переворота» (стр. 70). Частые перевороты и междоусобную борьбу греко-бактрийских царей автор справедливо ставит в связь с народными волнениями, которые, например, использовал сатрап Согда Евтидем для борьбы с Диодотом II. В Бактрии «развивались рабовладельческие отношения при сохранении преобладающей роли в хозяйстве сельской общины. Происходит также быстрый рост городов» (стр. 74). Автор правильно отмечает, что «основную роль в хозяйственной жизни Греко-Бактрийского государства играло коренное население страны» (стр. 74). В этом месте книги используются археологический материал и сведения античных авторов, а также санскритские источники.

Хорезмскому государству в книге уделено всего лишь две страницы, дающие общую его характеристику на основании археологических исследований. Глава заканчивается замечанием о том, что в состав Хорезмского государства «в разное время входил и Согд, сохранявший при этом свою экономическую обособленность, язык и самобытный характер культуры» (стр. 80). В главе собран материал, рассказывающий об оживленных международных отношениях государств Средней Азии в этот период.

Обзором истории государства «Великих Кушан» (глава шестая) заканчивается часть книги, посвященная рабовладельческому обществу. Эта глава повествует о падении Греко-Бактрийского государства. Автор делает важное заключение о том, что «издавна враждебно относившиеся к греко-македонским захватчикам независимые

племена массагетов, имея в центре тохаров и опираясь на оседлое население Хорезма, Согда и Бактрии, явились главной силой, которая в середине II в. до н. э. нанесла сокрушительный удар иноземным завоевателям. Происходит новое расселение среднеазиатских кочевых племен. В частности, тохары осели преимущественно в Бактрии, в бассейне верхней Аму-Дарьи, и составили основу возникшего государства с центром на территории нынешнего Таджикистана. Поэтому Бактрия и стала называться впоследствии «Тохаристан» (стр. 83). В. Г. Гафуров предполагает, что «название тохары имеет этническое значение, тогда как термин кушан имеет государственно-династический характер» (стр. 83).

Представляет интерес параграф, посвященный отношениям между Китаем и среднеазиатскими народами. Автор отмечает разнообразные связи Китая и Средней Азии. Из Средней Азии распространилась в Китай культура винограда и люцерны, а из Китая — шелководство и т. п. Интересно упоминание китайских летописей о царстве Тиаджи в Средней Азии.

На этом вопросе желательно было бы остановиться подробнее в связи с происхождением этнического названия «таджики».

В начале новой эры Средняя Азия и часть Индии были объединены под властью государства Великих Кушан, достигшего особенного могущества во время правления царя Канишки (78—123 гг. н. э.). В царстве Великих Кушан происходило дальнейшее развитие рабовладельческих отношений и расслоение среди свободных. Содержательный очерк экономической и культурной жизни в царстве Великих Кушан, основанный на изучении главным образом археологического материала и частично письменных источников, рисует картину большого подъема экономики и культурной жизни в царстве Великих Кушан и оживленные связи с Востоком и Западом. Подчеркивается ведущая роль Согда, выразившаяся, в частности, в том, что «согдийский язык употреблялся в Центральной и Восточной Азии в качестве международного языка» (стр. 93).

В заключение автор подвергает критике антинаучную теорию буржуазных ученых об «извечном феодализме в Средней Азии» (стр. 94). Советская историческая наука доказала, что в результате разложения первобытно-общинных отношений в Средней Азии начало развиваться рабовладельческое общество. Никакой принципиальной разницы между развитием Востока и Запада не было. Рабовладельческие отношения особенно интенсивно развивались в районах оазисов. В степных районах более устойчивыми были первобытно-общинные отношения. Рабовладельческие отношения в Средней Азии не дошли «до такой глубины, как в античном мире» (стр. 98), — обобщает автор и применяет встречающийся в специальной литературе по истории Средней Азии термин для характеристики таких отношений: «общинно-рабовладельческий строй» (стр. 98) или «патриархально-рабовладельческий» (стр. 99). Автор поясняет свою мысль следующим образом: «Рабовладельческой была здесь преимущественно правящая аристократическая верхушка» (стр. 98). Но в странах Переднего Востока — Вавилонии, Египте и т. д., налицо было примерно то же. Следовательно, в данном случае правильнее говорить о древневосточном этапе рабовладельческой формации.

Перед нами опыт марксистского построения истории одного из крупнейших народов Средней Азии. Наряду с достижениями необходимо отметить целый ряд существенных недочетов. Главными из них являются неясность в трактовке некоторых методологических вопросов, некритическое следование «теории» Н. Я. Марра и многие фактические ошибки. Общественно-исторические экскурсы, изобилующие ошибками и часто не имеющие непосредственного отношения к теме, следует сократить и расширить отделы, посвященные Средней Азии. Таким образом, автор избегнет схематизма и суммарности изложения, которые значительно ухудшают качество рецензируемого труда.

Н. Н. Пикус